

На правах рукописи

ЕЛИСЕЕВ Роман Анатольевич

**МЕЖДУНАРОДНОЕ УГОЛОВНОЕ ПРАВО:
ОСОБЕННОСТИ ПРАВОРЕАЛИЗАЦИИ**

Специальность
12.00.10 – Международное право. Европейское право

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата юридических наук

Москва — 2011

10 ФЕВ 2011

Диссертация подготовлена на кафедре международного права юридического факультета Российского университета дружбы народов.

Научный руководитель – доктор юридических наук, профессор
Абашидзе Аслан Хусейнович

Официальные оппоненты: – доктор юридических наук, профессор
Бирюков Павел Николаевич,
заведующий кафедрой международного и европейского права Воронежского государственного университета

– кандидат юридических наук, доцент
Глотова Светлана Владимировна,
доцент кафедры международного права Московского государственного университета им.М.В.Ломоносова

Ведущая организация – **Московский университет МВД России**

Защита состоится «16» февраля 2011 г. в 17 час.00 мин. на заседании диссертационного совета ДМ 212.203.21 при Российском университете дружбы народов и Всероссийской академии внешней торговли по адресу: 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6, ауд. 347.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке Российского университета дружбы народов по адресу: 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6.

Автореферат разослан «14» января 2011 г.

Ученый секретарь диссертационного совета,
кандидат юридических наук, доцент

Е.П. Ермакова

I. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. В настоящее время международное уголовное право является одной из наиболее динамично развивающихся областей юриспруденции. В структурно-композиционном плане оно представляет собой комплексную отрасль, состоящую из международного материального уголовного права, уголовно-процессуального, пенитенциарного и судоустройственного права, а также формирующегося сегмента международной криминологии. Одновременно международное уголовное право тесно взаимодействует с внутригосударственным уголовным правом, совместно образуя некий «правоприменительный комплекс».

Одной из основных проблем современного международного уголовного права является его реализация, формы которой зависят от характера действий субъектов, степени их активности и направленности поведения (соблюдение, исполнение, использование, правоприменение). При этом в центре внимания доктрины международного и национального права находится проблема выполнения международных уголовно-правовых обязательств. Ведь исключительная важность международного уголовного права состоит в ограничении той «зоны безнаказанности», существование которой оправдывает практику экстраординарной юрисдикции национальных органов правосудия, в том числе в отношении иностранных высших должностных лиц, уповающих на внутригосударственный судебный иммунитет. Поэтому для реализации задачи всемерной наказуемости за совершение международных преступлений необходимо полное, всестороннее и добросовестное выполнение норм международного уголовного права со стороны государств. В связи с этим следует признать актуальной проблематику реализации норм международного уголовного права как на межгосударственном, так и на внутригосударственном уровнях.

Диссертант убежден, что самым практически значимым и в то же время наиболее сложным аспектом международного уголовного права является национальный механизм имплементации, формам и процедурам которого посвящено настоящее исследование. Постепенно вопросы реализации международного уголовного права смещаются в национальную сферу, так как значительное число международно-правовых норм предназначено для конечной реализации внутри государств.

В связи с этим обращает на себя внимание авторитетное мнение Председателя Конституционного Суда России В. Зорькина, согласно которому «Следует признать, что влияние России в вопросах международного права существенно упало в результате того, что судебная-правовая система нашей страны да-

ет очень много поводов к международному оспариванию ее решений. И поэтому совершенствование внутригосударственного законодательства и, главное, законоисполнения, это не только собственно правовой внутренней вопрос. Это ... еще и вопрос национальной безопасности страны в глобализирующемся мире»¹.

В условиях проводимых в России правовой и судебной реформ крайне актуальными являются вопросы приведения российского законодательства и в целом правовой системы в соответствие с нормами международного права. Несмотря на присоединение нашей страны к крупным международным «антикриминальным» конвенциям² и на подписание Римского статута Международного уголовного суда (далее – МУС)³, остаются дискуссионными проблемы взаимодействия международного и российского уголовного права. Это связано, прежде всего, со сложностью национальной инкорпорации норм международного уголовного права (например, требованием Уголовного Кодекса РФ является обязательное включение норм об ответственности за международные преступления в его Особенную часть). Кроме того, в юридической науке нет единого подхода к определению правореализации и ее способам применительно к международному уголовному праву, что усугубляется неподготовленностью и нехваткой ресурсов местных органов правосудия и дефицитом политической воли. Особую актуальность приобретает проблема «примирения» государственного суверенитета с формирующейся так называемой «глобальной уголовно-правовой» юрисдикцией МУС.

Летом 2010 г. в г. Кампале (Уганда) состоялась Конференция по обзору Римского статута, где президент МУС С.-Х. Сонг подчеркнул, что «доместикация» составов преступлений, подсудных МУС, в национальных кодексах представляет собой первую стадию реализации обязательства государств в отношении принципа комплементарности, который уже стал нормой обычного международного права. Проблема правореализации еще более актуализируется в свете практики безнаказанности, которая возникает в связи с тем, что некоторые ситуации не расследуются из-за правовых или юрисдикционных барьеров, и

¹ Российская газета. 2009. 10 сент. URL: <http://www.rg.ru/2010/09/10/zorkin.html>

² В частности, Конвенция «О предупреждении преступления геноцида и наказании за него» 1948 г., Конвенция «О неприменимости срока давности к военным преступлениям и преступлениям против человечности» 1968 г., Международная конвенция «О пресечении преступления апартеида и наказания за него» 1973 г., Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности 2000 г., Международная конвенция «О борьбе с актами ядерного терроризма» 2005 г.

³ Подписание Римского статута Министром иностранных дел России 13 сентября 2000 г. в ходе сессии Генеральной Ассамблеи ООН положило начало практической работы в целях подготовки предложений о перспективах ратификации этого международно-правового акта учредительного характера.

перед Судом предстают лишь те, кто несет наибольшую ответственность, а других правонарушителей национальные суды отказываются преследовать⁴.

Совокупность изложенного ранее обуславливает своевременность и актуальность настоящего диссертационного исследования, направленного на выработку концептуального понимания развития международного уголовного права в сотрудничестве между государствами, а также форм реализации его положений в национальной юрисдикции.

Объектом диссертационного исследования является комплекс теоретических и практических проблем, связанных с институтом реализации основных положений международного уголовного права и исполнением международных уголовно-правовых обязательств на внутригосударственном уровне различных государств.

В качестве **предмета** исследования выступают памятники истории международного экстрадиционного и военно-уголовного права, источники доктрины международного уголовного права, действующие международные антикриминальные конвенции, практика международных уголовных трибуналов и судов в части анализа координационных норм и правореализационных положений.

Целью диссертационной работы является получение нового научного знания об особенностях отраслевой формы международного уголовного права, пространственно-временном действии его норм и специфике национальной правореализации.

Обозначенная цель предопределяет постановку и решение следующих **научных задач**:

- исследовать историю становления международного уголовного права, формирование и развитие межгосударственного экстрадиционного и международного военно-уголовного права;
- описать современную концепцию международного уголовного права и его системно-структурные особенности;
- рассмотреть иерархию норм международного уголовного права и совокупность его источников;
- проследить характер действия норм международного уголовного права во времени и пространстве (*rationae temporis* и *rationae loci*);
- выявить специфику различных форм реализации норм международного уголовного права;
- определить элементы внутригосударственного механизма реализации международного уголовного права;

⁴ See: Report of the Bureau on stocktaking: Complementarity // ICC-ASP/8/51. 18 March 2010. Assembly of States Parties. Resumed eighth session. New York, 22-25 March 2010.

– рассмотреть проблему реализации международных обязательств по Римскому статуту Международного уголовного суда 1998 г.;

– разработать предложения, направленные на детализацию законодательной регламентации вопросов применения норм международного уголовного права в национальной юрисдикции.

Методология и теоретическая основа исследования. В процессе исследования применялись такие общенаучные методы познания, как метод диалектики, анализ и синтез, метод обобщения, системно-структурный метод. Также использовались определенные специально научные методы: юридино-технический, исторический, компаративистский, социологический, метод прогнозирования и др.

В качестве фундаментальной теоретической основы исследования были применены концептуальные положения общей теории права и теории международного публичного права, достижения науки международного уголовного права, национального уголовного, уголовно-процессуального, уголовно-исполнительного и судоустройственного права.

В основу работы были положены концептуальные положения и подходы, содержащиеся в исследованиях таких теоретиков международного права и специалистов в сфере международного уголовного права, как К.А.Бекяшев, П.Н. Бирюков, И.П. Блищенко⁵, Р.М. Валеев, А.Н. Вылегжанин, Л.С. Гавердовский, Л.Н. Галенская, Б.Л. Зимненко, Г.В. Игнатенко, Р.А. Каламкарян, А.Я. Капустин, И.И. Карпец, Ю.М. Колосов, Н.И. Костенко, Г.И. Курдюков, Д.Б. Левин, И.И. Лукашук, Е.Г. Ляхов, С.Ю. Марочкин, И.С. Марусин, Н.Г. Михайлов, Р.А. Мюллерсон, А.В. Наумов, А.И. Полторак, П.С. Ромашкин, Ю.А. Решетов, О.И. Тиунов, А.Н. Трайнин, Г.И. Тункин, Е.Т. Усенко, Д.И. Фельдман, С.В. Черниченко и др. Вопросы внутригосударственной реализации международных уголовно-правовых норм исследовались в работах А.Х. Абашидзе, В.В. Алешина, В.А. Батыря, С.В. Глотовой, И.И. Котлярова, В.В. Пустогорова, Б.Р. Тузмухамедова и др. Отдельного внимания заслуживает зарубежная международно-правовая доктрина и работы «классиков» международного уголовного права (М.Ш. Бассиоуни, И. Броунли, А. Кассезе, Т. Мерон, В. Пелла, О. Триффтерер, Б. Ференц, Дж. Шварценбергер и др.).

В качестве эмпирической и нормативной основы исследовательской базы использована совокупность исторических и юридических источников:

⁵ В знак признания вклада профессора И.П. Блищенко в развитие международного уголовного права недавно был опубликован коллективный фундаментальный труд юристов-международников, посвященный памяти выдающегося ученого. См.: The Legal Regime of the International Criminal Court: Essays in Memory of Professor Igor Blisshenko, José Doria, Hans-Peter Gasser, M. Cherif Bassiouni/ Eds. Martinus Nijhoff Publishers. — Leiden, The Netherlands, 2009.

1. Документы по истории межгосударственного экстрадиционного и международного военно-уголовного права (в том числе, источники так называемого «Гаагского права» и «Женевского права»), Кодекс Либера 1863 г. и др.);

2. Действующие международные конвенции по вопросам международно-уголовного права (в частности, Конвенция «О предупреждении преступления геноцида и наказании за него» 1948 г., Женевские конвенции «О защите жертв войны» 1949 г. и Дополнительные протоколы к ним 1977 г., Конвенция «О неприменимости срока давности к военным преступлениям и преступлениям против человечности» 1968 г., Международная конвенция «О пресечении преступления апартеида и наказании за него» 1973 г., Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности 2000 г., Международная конвенция «О борьбе с актами ядерного терроризма» 2005 г. и др.);

3. Учредительные акты, а также нормативные акты органов международного уголовного правосудия, в том числе Уставы Нюрнбергского и Токийского международных военных трибуналов 1945–1946 гг., Уставы Международного уголовного трибунала по бывшей Югославии 1993 г. и Международного уголовного трибунала по Руанде 1994 г., Римский статут МУС 1998 г., Правила процедуры и доказывания и Элементы преступлений МУС 2002 г., Соглашение о сотрудничестве между МУС и ООН 2004 г. и др.

4. Источники так называемого «мягкого права», в частности, акты международных организаций (декларации, правила, принципы, рекомендации, итоговые документы), международные стандарты в области уголовного правосудия и предотвращения преступности, сформулированные в резолюциях ГА ООН, а также модельные акты и доктринальные документы (проекты Кодекса преступлений против мира и безопасности человечества, подготовленные Комиссией международного права ООН в 1954, 1991 и 1996 гг.), документы таких международных неправительственных организаций, как Международный комитет Красного Креста, «Амнести Интернэшнл», «Коалиция в поддержку МУС» и др.

5. Акты национального законодательства РФ по вопросам реализации норм международного уголовного права (нормы Конституции РФ, УК РФ, УПК РФ и иных российских законов), а также законов и отраслевых кодексов ряда иностранных государств (Германии, Франции, Канады, Австралии и др.) в части регламентации вопросов правореализации в сфере противодействия международной преступности.

6. Эмпирическую основу исследовательской базы составила также судебная практика по отдельным вопросам международного уголовного права (ре-

шения и приговоры международных трибуналов и судов, национальные прецеденты).

Научная разработанность темы. Вопросы правореализации применительно к сфере международного уголовного права довольно слабо разработаны в современной международно-правовой науке. Как верно отмечает профессор Р.А. Мюллерсон, «если вопросы создания норм международного права и его сущности разрабатывались в течение достаточно долгого периода времени, то проблемы функционирования международного права, реализации его норм стали предметом серьезного исследования только в последние годы»⁶.

В дореволюционной России проблематика настоящего диссертационного исследования частично затрагивалась в курсах международного публичного, уголовного и уголовно-процессуального права в связи с вопросами действия уголовного закона во времени и пространстве, выдачей преступников, предоставлением убежища, положением иностранцев и т.п. Это были, в частности, труды М.Ф. Владимирского-Буданова, В.П. Даневского, Н.А. Захарова, И.А. Ивановского, П.Е. Казанского, Л.А. Камаровского, Н.М. Коркунова, Ф.Ф. Мартенса, Н.Д. Сергеевского, Н.С. Таганцева, И.Я. Фойницкого и др. Еще более ста лет назад Ф.Ф. Мартенс писал, что «в учении о выдаче преступников сосредоточивается весь интерес международного уголовного права»⁷.

Советской правовой доктрине принадлежит особая роль в отраслевом обособлении международного уголовного права. Общеизвестно, что советская наука отличалась глубокой и, по сути, лучшей в мире теоретической разработкой концепции «международного преступления». Так, видный ученый-криминалист А.Н. Трайнин считается создателем теории уголовной ответственности за преступления против мира и безопасности человечества. Уже в 1935 г. он приступил к активной разработке проблем международного уголовного права и его использованию в национальной юрисдикции. Профессору Ю.М. Колосову принадлежит идея разделения преступлений на международные преступления и преступления международного характера.

В послевоенные годы плодотворно работали в этом направлении российские юристы-международники: Р.М. Валеев, Л.Н. Галенская, В.Н. Дурденевский, С.Б. Крылов, Д.Б. Левин, Г.И. Тункин и др., а также ученые-криминалисты: И.И. Карпец, М.Я. Раппопорт, С.Я. Розенблит, П.С. Ромашкин, А.А. Пионтковский, А.И. Полтораки, Н.Н. Полянский, Б.С. Утевский, В.М. Чхи-

⁶ Курс международного права: В 7 т. М., 1989. Т. 1. Понятие, предмет и система международного права. С. 335.

⁷ Мартенс Ф.Ф. Современное международное право цивилизованных народов. В 2-х тт. СПб, 1900. Т. II. С. 391.

квадзе, М.Д. Шаргородский и др. Вопросы предмета и системы международного уголовного права продолжали изучать А.И. Бастрыкин, Я.М. Бельсон, П.Н. Бирюков, А.Г. Богатырев, С.В. Бородин, Р.М. Валеев, Л.Н. Галенская, Н.В. Жданов, Г.В. Игнатенко, И.И. Карпец, Е.Г. Ляхов, Ю.А. Решетов, К.С. Родионов, В.И. Степаненко, В.П. Шупилов и др.

Вплоть до 90-х гг. XX века в науке международного уголовного права продолжался поиск и определение его предмета, методов регулирования и места в системе отраслей, значения в развитии международных отношений в условиях интернационализации преступности, оформления оптимальной структуры. Однако недостаточно были разработаны теоретико-методологические проблемы, касающиеся самих основ науки международного уголовного права, и не были решены узловые практические вопросы его правореализации.

Особый вклад в формирование современной теории международного уголовного права внесли труды И.П. Блищенко, И.В. Фисенко, И.И. Лукашука, А.В. Наумова, коллектива авторов под общей редакцией В.Н. Кудрявцева⁸, а также монографические работы Р.А. Адельханяна, И.Ю. Белого, И.В. Гетьман-Павловой, С.А. Грицаева, Л.В. Иногамовой-Хегай, А.Р. Каюмовой, А.Г. Кибальника, Н.И. Костенко, И.С. Марусина, В.П. Панова, Н.А. Сафарова, Е.Н. Трикоз и др.

Но в современной отечественной литературе по-прежнему отсутствуют комплексные исследования, освещающие в полной мере проблемы правореализации. Существующие работы, как правило, посвящены лишь отдельным вопросам реализации и взаимовлияния норм международного и национального права в сфере борьбы с преступностью. В этой связи следует назвать, в частности, некоторые работы П.Н. Бирюкова, И.П. Блищенко, В.М. Волженкиной, А.Г. Волеводза, А.Р. Каюмовой, А.Г. Кибальника, Р.А. Колодкина, Н.И. Костенко, И.И. Лукашука, А.В. Наумова, В.П. Панова, Ю.А. Решетова, И.В. Фисенко и др.

Необходимо выделить ряд авторов, которые обращали свое внимание на особенности действия и осуществления международных уголовно-правовых и иных норм: А.Х. Абашидзе, И.Ю. Белый, Г.И. Богуш, А.Г. Волеводз, С.В. Глотова, Р.А. Каламкьян, А.А. Малиновский, А.Б. Мезяев, О.И. Рабцевич, Ю.А. Решетов, Н.А. Сафаров, Ю.В. Трунцевский, В.Ф. Цепелев и др. В научных статьях современных отечественных молодых авторов также нет всеохватывающего подхода к проблематике правореализации норм международного уголовного права.

⁸ См.: *Международное уголовное право / Под общ. ред. В.Н. Кудрявцева. 2-е изд., перераб. и доп.* М.: Наука, 1999.

В зарубежной правовой науке разработкой организационно-правовых основ сотрудничества государств в борьбе с международной преступностью занимались М.Ш. Бассиоуни, Д. Бешаров, Д. Дерби, Я. Динштейн, П. Дрост, Р. Мерль, Дж. Мюллер, В. Пелла, Б. Ференц, Дж. Шварценбергер и др. По мнению одного из основателей науки международного уголовного права М. Шерифа Бассиоуни, достигнутый в данной сфере за последнее десятилетие прогресс превзошел все достижения XX века. Американский профессор сравнивает международное уголовное право с джином, выпущенным из бутылки, и делает вывод, что остановить развитие международного уголовного права уже невозможно, как бы того ни хотелось скептикам⁹.

Большинство современных западных ученых уделяют все большее внимание вопросам правореализации норм международного уголовного права в практике международных трибуналов и судов, а также в национальных правовых системах. К их числу относятся такие авторы, как: М. Бергсмо; Б. Брумхэл; Г. Верле; Ж. Дория; А. Кассезе; К. Китичайсари; Р. Кларк; Р. Крайер; К. Кресс; Г.-Ж. Кнупс; Т. Мерон; Л.Н. Садат; Ф. Сандс; О. Триффтерер; А. Ушацка; У. Шабас; М.П. Шарф и др.

Однако все названные ранее работы зачастую имеют лишь постановочное значение, оставляя за пределами многие актуальные теоретические и прикладные аспекты института правореализации международного уголовного права. Попытка разрешить некоторые из них впервые предпринята в данном диссертационном исследовании.

Научная новизна исследования. Впервые в науке международного права для комплексного научного решения выбрана такая научная проблема, как особенности правореализации международного уголовного права. На монографическом уровне проведен совокупный историко-теоретический и международно-правовой анализ данного института. Новизна диссертационной работы состоит в разработке одной из актуальных и мало изученных тем науки международного уголовного права путем формулирования и уточнения ряда понятий, обоснования определенных положений и предложенных выводов.

Новыми являются результаты диссертационного исследования, о чем свидетельствуют **научные положения и выводы, выносимые на защиту:**

1. Диссертант исходит из тезиса, согласно которому становление отрасли международного уголовного права было обусловлено формированием *межгосударственного экстрадиционного права* и выделением особой подотрасли *международного военно-уголовного права*. В диссертации предложен авторский вариант

⁹ Bassiouni M.Ch. Introduction to International Criminal Law. New York: Transnational Publishers, 2003. P. xxxvi.

периодизации истории международного военно-уголовного права: 1) период Древнего мира и раннего Средневековья, когда происходила первоначальная систематизация и доктринальная кодификация положений *jus ad bellum* (права справедливой войны) и *jus in bello* (законов и обычаев войны); 2) период позднего Средневековья и Нового времени, связанный с началом кодификации норм *jus contra bellum* (антивоенного права, или права предотвращения войны) и *jus post bellum* (права послевоенного, или постконфликтного урегулирования); гуманизацией средств и методов ведения войны и доктринальной разработкой основ международного гуманитарного права; 3) период Новейшего времени, когда идет формирование и развитие так называемого «Гаагского права» и «Женевского права», кодификация норм международного права вооруженных конфликтов, а также обособление института ответственности за применение запрещенных средств и методов ведения войны.

2. Являясь одной из самых ранних процедур международного уголовного права, экстрадиция отражает три важных компонента: суверенное право государства; гарантии прав человека; необходимость отправления правосудия (неотвратимость наказания). Последнее положение имеет концептуальный характер для всей системы международного уголовного права. Принятие Римского статута МУС и первые годы деятельности Суда показали, что борьба с международными преступлениями должна носить универсальный характер, предполагающий снятие ограничений с института экстрадиции. Поэтому диссертантом делается вывод о закономерной трансформации суверенного права государств на выдачу преступников в их международно-правовое обязательство *erga omnes* по уголовному преследованию международных преступников.

3. Проанализировав нелегкий путь становления науки международного уголовного права, автор пришел к важному выводу, что представители советской доктрины, за редким исключением и в отличие от западных коллег, признавали международное уголовное право частью внутрисоциального права и почти игнорировали решение узловых практических вопросов, касающихся самих основ этой науки и правореализации ее норм. На основе анализа обширного материала диссертант утверждает, что лишь совместные усилия юристов-международников и криминалистов помогли в настоящее время определить в отечественной правовой науке такие важные научные ориентиры международного уголовного права, как его предмет и методы, место и значение в системе международных правоотношений, оптимальную структуру и систему источников, и почти единогласно признать его отраслью международного публичного права.

4. Автор обосновывает тезис, согласно которому гетерогенная природа международного уголовного права, объединяющая нормы материального и процессуального характера, нормы, посвященные вопросам судоустройства и исполнения наказания, а отчасти и положения международной криминологии, обусловила наличие большого количества его научных дефиниций. Изложенное, в свою очередь, дает основание диссертанту считать, что наиболее удачным подходом является создание дифференцированных определений отдельных подотраслей международного уголовного права. Центральным и системообразующим элементом среди них выступает международное материальное уголовное право, под которым диссертант подразумевает функционально-структурную подсистему международного публичного права, предусматривающую материально-правовые основания для индивидуальной международной уголовной ответственности за совершение преступлений против мира и безопасности человечества.

5. С учетом категоризации международных преступлений диссертант предлагает различать *«универсальное» международное уголовное право*, в предмет которого входит подгруппа наиболее тяжких международных преступлений, направленных против всеобщего мира и безопасности человечества, и *«транснационального» международного уголовного права*, в рамках предмета которого объединяются преступления международного характера (или конвенционные преступления).

6. Научно подтвержден автором факт, что международное уголовное право на современном этапе обрело свою *специфическую отраслевую форму*, для которой характерны особые функции — общепревентивная и репрессивная, и соответствующие методы регулирования — запрета и предписания. Но наряду с этими традиционными критериями отраслевой дифференциации диссертант предлагает выделить в качестве одного из приоритетных для международного уголовного права такой критерий, как *механизм правового регулирования*. Его составными частями следует считать особые принципы, объект и функции правового регулирования. В то же время автором признается, что еще далеко до структурной полноты системы международного уголовного права, поскольку продолжается процесс постепенного накопления нормативного материала, его дифференциация на подотрасли и институты. В работе содержится научный прогноз о том, что в скором времени потребуются унификация обновленной системы международного уголовного права.

7. Автором выявлена специфика норм международного уголовного права, которая проявляется в следующем: они рождаются в лоне «материнской» между-

народно-правовой отрасли, чем обуславливается их согласительный, координационный характер создания; эти нормы сопровождаются особым превентивным эффектом, что, в свою очередь объясняется императивным характером предписаний о преследовании лиц, подозреваемых в совершении тяжких международных преступлений (*core crimes*); нормы международного уголовного права имеют, как правило, сжатую структуру, исключая конкретные санкции. Следовательно, их предписания, несмотря на высокую степень общеобязательности, далеки от самоисполнимости. Диссертант утверждает, что именно по этой причине актуальной проблемой международного уголовного права остается повышение эффективности выполнения норм, в частности, при помощи адекватного механизма правореализации на уровне различных государств.

8. В целях практической реализации норм международного уголовного права, по мнению автора, особое значение следует придавать процессуальным и программным нормам. Первые по своему объему превалируют над материальными нормами, но по содержанию являются вторичными и служебными, детерминированы потребностью реализации материальных норм, обеспечивают порядок и результат осуществления прав и обязанностей участников международных уголовно-правовых отношений. А программные нормы (нормы-цели, нормы-принципы, нормы-рекомендации) призваны играть важную правореализационную роль именно потому, что посвящены будущему поведению государств в борьбе с международной преступностью и направлены на реализацию первостепенной задачи этой отрасли права – превентивной.

9. Исследуя систему юридических источников международного уголовного права (обычно-правовые, договорные, доктринальные, прецедентные, правоприменительные и рекомендательные), диссертант приходит к выводу, что она все еще находится в процессе становления. Для такой системы не характерны иерархичность и соподчиненность норм, что, безусловно, очень важно для успешного функционирования всей отрасли права, согласования и преодоления возможных правовых и юрисдикционных коллизий. С точки зрения автора, в настоящее время можно выстроить в определенном иерархическом порядке лишь принципы в качестве нормативных источников международного уголовного права. Автор предлагает следующую схему соподчиненности между ними: общие принципы права, общепризнанные принципы, межотраслевые принципы, специальные отраслевые принципы и суботраслевые принципы международного уголовного права. При этом особую роль в механизме правореализации играют два общепризнанных «координационных» принципа – принцип неограниченности действия во времени норм по пресечению международных

преступлений и принцип универсальности юрисдикции применительно к территориальному действию норм о международной уголовной ответственности.

10. Анализируя особенности темпорально-пространственного действия международного уголовного права, диссертант отстаивает тезис о преимущественном характере универсального принципа, который, в свою очередь, зависит от типа применяемых норм.

Безусловное универсальное действие имеют нормы, относящиеся к категории норм общего международного права, например нормы об ответственности за преступления против мира и безопасности человечества (нормы *jus cogens*). И в то же время пример с юрисдикцией МУС, конкурирующей с обязательствами по договорам об экстрадиции, дает основание автору утверждать, что даже в отношении наиболее тяжких международных преступлений еще предстоит работа в сфере унификации правил, связанных с институтом передачи подозреваемых лиц под юрисдикцию Суда. Проведение такой работы, по убеждению диссертанта, необходимо для универсализации принципа неотвратимости наказания.

Применительно к конвенционным преступлениям, с точки зрения автора, универсальная юрисдикция используется пассивно, поскольку здесь действует, главным образом, территориальная юрисдикция и виновных привлекают к ответственности на основе конвенционных или норм, инкорпорированных в национальное законодательство.

В отношении же переходной категории международных преступлений, формально не объявленных, но в действительности являющихся «универсальными преступлениями» (преступлениями против мира и безопасности всего человечества), уголовная юрисдикция распространяется на все пространства, приобретая характер универсальной по своей сути. По мнению диссертанта, целесообразным является распространение юрисдикции МУС на некоторые конвенционные преступления «переходной категории» (например, на террористические акты, повлекшие большие человеческие жертвы среди мирного населения).

11. Рассматривая особенности внутригосударственной правореализации норм международного уголовного права, автор делает вывод, что определяющее значение имеют характер применяемой нормы (самоисполнимая или несамоисполнимая норма) и ее статус в рамках национального права. К числу однозначно несамоисполнимых относятся международно-правовые нормы, закрепляющие общие признаки преступлений и критерии наказуемости деяний, а также иные последствия уголовно-правового характера. Самоисполнимыми

признаются нормы, определяющие пространственную уголовную юрисдикцию или содержащие отраслевые уголовно-правовые принципы.

В работе выделяется специфика механизма правореализации в РФ, которая обусловлена, по мнению автора, следующими обстоятельствами: трансформация договорных норм в национальное уголовное законодательство; ратификация и опубликование международных договоров, согласно национальным правилам; соответствие международных договоров общепризнанным принципам и нормам международного права; точность и конкретность международных договоров в целях их судебного применения и др.

12. Исследуя стадии внутригосударственной правореализации норм международного уголовного права, диссертант приходит к заключению, что они отражают элементы правотворческие и собственно правоприменительные. На первом этапе происходит национально-правовая систематизация соответствующих предписаний, принимающая форму инкорпорации или даже частичной рекодификации отраслевых кодексов и иных законов. Далее осуществляется практическое применение «национализированных» норм международного уголовного права. По мнению автора, это есть частный случай исполнения международного обязательства конкретного государства.

Таким образом, в процессе правореализации наблюдается конвергенция двух соприкасающихся правопорядков — «межгосударственного уголовного права» (англ. *interstate public international criminal law*), и «внутригосударственного международного уголовного права» (англ. *municipal- или domestic international criminal law*). А национальный механизм уголовно-правового воздействия наполняется новым содержанием, будучи дополненным возможностью привлечения государства к так называемой «позитивной ответственности» из-за неисполнения международного обязательства в части уголовного преследования за геноцид, военные преступления и преступления против человечности.

Теоретико-практическая значимость и апробация результатов исследования. Совокупность научных результатов, полученных диссертантом, призвана расширить теоретическую составляющую исследований по проблеме правореализации международного уголовного права и восполнить имеющийся пробел в международно-правовой науке.

Содержание и выводы настоящей диссертации могут служить основой для нового направления в исследовании системы международной уголовной юстиции, а также проблем конкуренции национальной и международной юрисдикций.

Содержащиеся в диссертации обобщения и предложения *de lege ferenda* могут быть использованы законодательными и правоприменительными орга-

нами национальной юрисдикции в практике имплементации норм международного уголовного права и совершенствования механизма исполнения международных уголовно-правовых обязательств страны, в частности, при сотрудничестве с Международным уголовным судом. Диссертант полагает, что принятие имплементирующего законодательства в России — это наилучший способ обеспечения своевременного сотрудничества. Но даже при отсутствии такового можно рекомендовать заключение специальных договоренностей и рамочных соглашений с МУС. Не менее полезным, по мнению автора, представляется также создание национального координационного центра или целевых групп, деятельность которых должна быть направлена на активизацию работы по линии МУС.

Теоретические выводы и практические предложения, содержащиеся в настоящем исследовании, могут быть использованы в процессе преподавания на юридических факультетах и курсах повышения квалификации, в частности, таких предметов, как: «Международное публичное право», «Международное уголовное право», «Общие проблемы теории права», «Международное гуманитарное право» и др.

Работа подготовлена на кафедре международного права Российского университета дружбы народов, где проводилось ее обсуждение и рецензирование. Некоторые положения диссертации докладывались на научно-практической конференции, посвященной памяти профессора И.П. Блищенко (10–11 апреля 2009 г.), и изложены в авторских публикациях. По теме диссертации автором опубликовано 6 работ, общим объемом 4,8 авторских листов.

Структура диссертации отвечает целям и объекту исследования. Диссертация состоит из введения, трех глав, объединяющих девять параграфов, и заключения. Завершает работу библиографический список использованной литературы. Диссертация оформлена в соответствии с требованиями ВАК Министерства образования и науки Российской Федерации.

II. СТРУКТУРА И СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обосновывается актуальность темы, анализируется степень ее разработанности, формулируются цель, задачи и предмет исследования, раскрывается методология, теоретические и эмпирические основы, указывается новизна исследования, излагаются выводы, выносимые на защиту, приводятся сведения о практической значимости и апробации выводов диссертации.

В первых двух главах диссертации рассматриваются общие вопросы нормативной теории и систематики международного уголовного права, а также правила действия его норм во времени и пространстве. В третьей главе речь

идет о национальном уровне фактического действия международной уголовно-правовой нормы.

ГЛАВА I «Международное уголовное право в системе правового регулирования» состоит из двух параграфов.

В первом параграфе анализируется *«История становления и развития международного уголовного права»*. Прежде всего, рассматриваются особенности формирования *межгосударственного экстрадиционного права*. Дается историко-правовой анализ развития правовых основ экстрадиции – от зарождения на национальном уровне и до современной интернационализации, является ряд закономерных этапов эволюционного развития – от разовых договоренностей по выдаче преступников до появления механизма универсальной юрисдикции в качестве основы функционирования современного международного уголовного права.

В истории *международного военно-уголовного права* диссертантом выделяется три основных периода. Сначала происходила первичная систематизация и доктринальная кодификация положений *jus ad bellum* (права справедливой войны) и *jus in bello* (законов и обычаев войны). Затем началась кодификация норм *jus contra bellum* (антивоенного права, или права предотвращения войны) и *jus post bellum* (права послевоенного, или постконфликтного урегулирования). Наконец, стали формироваться «Гаагское право» и «Женевское право». Состоялась кодификация норм международного права вооруженных конфликтов и обособление института уголовной ответственности за применение запрещенных средств и методов ведения войны. Концептуальной основой для формулирования составов военных преступлений послужили принципы гуманности, защиты гражданского населения и мирных (гражданских) объектов, ограничения воюющих в выборе средств и методов ведения военных действий.

В этом же параграфе рассматривается процесс *зарождения и развития науки международного уголовного права*. Анализируются наиболее ранние трактаты средневековых ученых, научные взгляды которых складывались под влиянием развития идеи об ответственности за международные правонарушения во время военных действий. Доктрина классического международного права отстаивала тезис о наличии у всех государств международной обязанности наказывать лиц, совершивших правонарушения международного характера. В XIX — начале XX вв. продолжились попытки, направленные на создание всеобъемлющей доктринальной кодификации международного права, в том числе, его уголовно-правовых положений. Диссертант особо отмечает роль дореволюционных российских правоведов в деле становления науки международного уголовного права, таких как: С. Будзинский; Н.А. Захаров; И.А. Ивановский; Л.А. Камаровский; Н.М. Коркунов; Ф.Ф. Мартенс; В.А. Ульяницкий.

Необходимой научной зрелости в качестве международного уголовного право достигает в ходе подготовки и проведения Нюрнбергского и Токийского судебных процессов в 1945–1948 гг. В постнюрнбергский период термин «международное уголовное право» использовалось уже большинством западных ученых. Весьма важную роль в деле прогрессивного развития отрасли и ее доктринирования сыграла Комиссия международного права ООН.

Длительное время ученые не различали нормы об индивидуальной международной ответственности физических лиц и о международно-правовой ответственности государств. В правовой литературе советского периода одновременно существовали шесть различных концепций международного уголовного права. При этом советская наука отличалась глубокой и, по сути, лучшей в мире теоретической разработкой концепции «международного преступления». Но в то же время международное уголовное право признавалось составной частью не общего международного права, а внутрисударственного права. С 90-х гг. XX века начался теоретический поиск и определение методологических ориентиров международного уголовного права, а также научная разработка вопросов его правореализации.

Во втором параграфе «*Концепция и система современного международного уголовного права*» раскрывается содержание обязательности международных уголовно-правовых положений на современном этапе, исследуются понятие, предмет и научная концепция современного международного уголовного права. Анализируются имеющиеся в юридической литературе дефиниции и специфические признаки «международного преступления», термин, который сам по себе метафоричен и означает, в сущности, нарушение не уголовного, а международного права.

В научной доктрине отстаивается сближение категории «международное преступление» с понятиями *erga omnes* и *jus cogens*. Но среди ученых и практиков продолжают дискуссии о целесообразности обособленной отрасли международного уголовного права и доктринальном построении его системы, а также по поводу принятия международного уголовного кодекса.

Кроме того, исследуется *системно-структурный аспект международного уголовного права*. Для развития системы отрасли характерны процессы интеграции и дифференциации правового регулирования, а также изменение сферы правовой регламентации в сторону расширения. Рассматривается элементный состав системы международного уголовного права, в первую очередь, применительно к основной подотрасли – материальному уголовному праву, которое объединяет нормы о преступности и наказуемости деяний, представляющих серьезную опасность для международного мира и безопасности человечества.

Таким образом, можно говорить о сложноструктурированной системе, включающей в себя институты *Общей* и *Особенной* частей.

Автор настоящего диссертационного исследования приходит к выводу, согласно которому к международному уголовному праву применима такая научная категория, как «система права», и это свидетельствует об успешном формировании и прогрессивном развитии данной отрасли международного публичного права.

ГЛАВА II «Понятие и условия действия норм международного уголовного права» состоит из четырех параграфов.

В первом параграфе рассматриваются *«Понятие, виды и юридическая сила норм международного уголовного права»*. Большинство норм содержит лишь диспозицию и гипотезу, то есть являются дефинитивными и регулятивными (запретительными). Предусматривается применение санкций самими государствами индивидуально или коллективно через предписания национальных законов опосредованно и согласованно с внутригосударственными нормами, а также международными трибуналами и судами. В связи с этим весьма актуальным является вопрос об эффективности международных уголовно-правовых предписаний и проблема «антифакторов», препятствующих данной эффективности. Один из таковых в сфере международного уголовного права — отказ государств от сотрудничества с международными судебными учреждениями.

Важным показателем эффективности отрасли и действенности ее норм является их типизация и формализация. Диссертант приводит классификацию норм международного уголовного права по нескольким основаниям. Различаются императивные нормы, среди которых особое место занимают когенные нормы — *jus cogens*, как своего рода «сверхимперативные» нормы (или «неоспоримое право»). Также выделяются диспозитивные нормы, примерами которых в международном уголовном праве являются нормы института необходимой обороны, задержания лица, совершившего международное преступление, а также диспозитивные предписания ст. 98 Римского статута МУС.

Повышенное внимание уделяется проблеме сущности и роли процессуальных норм, регулирующих сотрудничество государств в сфере борьбы с преступностью, а также регламентирующих порядок, формы и методы реализации норм материального международного уголовного права.

Во втором параграфе исследуется *«Система источников международного уголовного права»*. В идеале, с учетом продолжающейся кодификации и прогрессивного развития отрасли, эта система должна предстать как единая, целостная, иерархически организованная совокупность норм международных договоров, обычаев, прецедентов, резолюций и иных актов, которые регулируют общественные отношения, являющиеся предметом международного уголов-

ного права. Следует различать собственно юридические источники международного уголовного права, источники международно-правовых обязательств в уголовно-правовой сфере и источники правоприменительной деятельности.

Диссертант рассматривает в качестве источников совокупность принципов международного уголовного права, выстроенных в определенном иерархическом порядке: 1) в основе лежат общие принципы права и общепризнанные принципы *jus cogens*; 2) затем следуют межотраслевые принципы международного уголовного права (координационные принципы в виде правил действия норм в пространстве, во времени и по кругу лиц); 3) далее расположились специальные принципы подотраслей международного уголовного права (принцип неотвратимости наказания, принцип индивидуальной ответственности физических лиц, принцип комплементарности юрисдикции, принцип справедливого судебного разбирательства и др.); 4) суботраслевые принципы, объединяющие институты и субинституты международного уголовного права.

В диссертации делается вывод о большом потенциале судебного прецедента в системе источников международного уголовного права. Его юридическое значение, с точки зрения автора, будет возрастать, благодаря особому статусу Международного уголовного суда, призванного выступать в качестве консолидирующего органа в сфере международного уголовного правосудия и обеспечения мира и безопасности человечества.

Два заключительных, **третий и четвертый параграфы** второй главы посвящены проблемам *«Действия норм международного уголовного права во времени (юрисдикция «rationae temporis»)(§3) и «Действия норм международного уголовного права в пространстве (юрисдикция «rationae loci»)(§4)»*.

В частности, рассматриваются общетеоретические вопросы действия во времени договорных норм, соотношение предшествующего и последующего договоров и обычных норм в сфере международного уголовного права. Отмечается, что институт уголовной ответственности за серьезные международные преступления не имеет временных границ. С темпоральным аспектом действия связана проблема запрета ретроактивного действия норм (принцип *ex post facto*). Хотя названный принцип имеет свои особенности (по сравнению с его безусловностью в национальном уголовном праве). Во-первых, в международном праве возможно установление конкретной уголовно-правовой санкции после факта совершения соответствующих деяний. Во-вторых, если их преступный характер установлен международным правом, а сами они имеют тяжкий и массовый характер, то возможно и последующее уточнение объективной стороны преступления.

Действие норм международного уголовного права в пространстве (*rationae loci*) связано с определением территориальных пределов реализации

международных уголовно-правовых предписаний. Диссертантом подробно рассматривается проблема универсальной уголовной юрисдикции, а также понятия «конкурирующая юрисдикция», «преимущественная юрисдикция» и «дополняющая юрисдикция».

ГЛАВА III «Формы и механизм реализации норм международного уголовного права» включает в себя три параграфа.

В первом параграфе автор сосредоточил внимание на *«Понятии и формах реализации норм международного уголовного права»*. Под реализацией в данном контексте понимается воплощение норм международного уголовного права в конкретном поведении и общей деятельности государств и других субъектов международного права, практическое осуществление нормативных международно-правовых предписаний. При этом задействованы, как правило, все четыре основные формы правореализации: соблюдение, использование, исполнение и применение. Диссертант детально рассматривает каждую из них на примере осуществления норм международного уголовного права.

В форме *соблюдения* реализуются в основном запретительные нормы, которые представляют собой большинство в материальной подотрасли международного уголовного права. Практически все криминообразующие нормы являются императивными нормами и, следовательно, требуют безусловного соблюдения.

Исполнение как форма правореализации характерно для норм, предусматривающих конкретные обязанности по сотрудничеству учреждений юстиции в деле оказания помощи по уголовным делам, обязанности расследовать и осуждать серьезные преступления по международному праву, обязательства по криминализации составов международных преступлений.

В форме *использования* происходит реализация управомочивающих норм, в частности, при индивидуализации наказания и дифференциации уголовной ответственности.

Для *применения* норм международного уголовного права движущей силой является национальное законодательство и внутригосударственный механизм правореализации. Этому вопросу посвящен **второй параграф** главы — *«Внутригосударственный механизм реализации норм международного уголовного права»*.

Анализируются общие вопросы корреляции систем международного и внутригосударственного уголовного права. Термин «применение» международного уголовного права предполагает два способа правореализации: 1) непосредственный, когда национальный правоприменитель или международный орган применяют непосредственно саму норму международного уголовного права, и 2) опосредованный, при котором применяется норма национального уголовного закона в соответствии с международным правом. Здесь первостепенное

значение имеет ответ на вопрос о том, является подлежащая применению международная норма самоисполнимой (англ. *self-executing*) или несамоисполнимой (англ. *non-self-executing*).

Национальные суды, сталкивающиеся с проблемой самоисполнимости международного договора, обычно ставят два взаимосвязанных вопроса: 1) может ли международный договор, с учетом его языка, цели и контекста, быть применен прямо; и 2) намеревались ли договаривающиеся государства непосредственно наделить индивидов правами и обязанностями, подлежащими судебной защите.

В **третьем параграфе** рассматривается конкретный случай правореализации, а именно *«Реализация международных обязательств по Римскому статуту Международного уголовного суда 1998 г.»*

В настоящее время особенно актуален вопрос о реализации международных обязательств, вытекающих из факта подписания, присоединения или ратификации указанного универсального международного договора. То, что Российская Федерация является государством-подписантом Римского статута МУС (с сентября 2000 г.), говорит о появлении новых международных обязательств, несмотря на невступление этого договора в силу для России. В то же время действующая редакция Особенной части УК РФ и многие положения иных федеральных законов по-прежнему не отвечает имеющимся у России обязательствам, в том числе в сфере борьбы с военными преступлениями и преступлениями против человечности. Национально-правовая криминализация названных международных преступлений, подпадающих под юрисдикцию МУС, позволит имплементировать международно-договорные обязательства РФ и реализовать нормы международного обычного права в области борьбы с преступностью.

По мнению диссертанта, одним из приемлемых сценариев толкования тех положений Конституции РФ, которые могут вступить в коллизию с нормами Статута МУС, мог бы стать запрос в Конституционный Суд РФ о толковании (так называемая «украинская модель»). При этом важно направить его заблаговременно, опережая процедуру ратификации Статута МУС. Автор полагает, что оптимальным для России (в части реализации международных уголовно-правовых обязательств) будет принятие комплексного федерального закона «О порядке взаимодействия органов российской юстиции и Международного уголовного суда». В связи с этим, диссертант напоминает о том, что ст. 88 Статута МУС прямо налагает на государства обязанность обеспечить наличие соответствующих национально-правовых процедур для всех форм сотрудничества с МУС.

В заключение изложены основные выводы проведенного диссертационного исследования и обобщения, отражающие полученные научные результаты.

ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ ДИССЕРТАЦИИ ОТРАЖЕНЫ
В СЛЕДУЮЩИХ НАУЧНЫХ ПУБЛИКАЦИЯХ:

а) научные статьи, опубликованные в ведущих рецензируемых научных журналах, рекомендованных ВАК Министерства образования и науки Российской Федерации:

1. Елисеев Р.А. Внутригосударственный механизм реализации норм международного уголовного права // Международное право – International Law. - №3 (43). - 2010. – С.71-77 (1,0 п.л.).

2. Елисеев Р.А. Зарождение и развитие науки международного уголовного права // Международное публичное и частное право. — 2009. — № 6 (51). — С. 40-46 (0,5 п.л.).

3. Елисеев Р.А. История становления и развития международного уголовного права // Вестник РУДН. Серия «Юридические науки». — 2009. — № 3. — С. 89-104 (1,0 п.л.).

4. Елисеев Р.А. Реализация международных обязательств по Римскому статуту Международного уголовного суда 1998 г. // Современное право. — 2010. — № 7. — С. 113-115 (0,3 п.л.).

б) научные статьи, опубликованные в иных изданиях:

5. Елисеев Р.А. Рабочая группа по произвольным задержаниям // Организация Объединенных Наций и защита прав человека: Монография / Под. ред. А.Х. Абашидзе. — М.: РУДН, 2009. — С. 205-235 (1,0 п.л.).

6. Елисеев Р.А. Юрисдикция *rationae temporis* и *rationae loci* в международном уголовном праве // Актуальные проблемы современного международного права: Материалы ежегодной межвузовской научно-практической конференции. Москва, 10-11 апреля 2009 г. / Под ред. А.Я. Капустина, Ф.Р. Ананидзе. — М.: РУДН, 2010. — С. 170-198 (1,0 п.л.).

Елисеев Роман Анатольевич (Россия)

Международное уголовное право: особенности правореализации

Диссертация посвящена комплексному анализу теоретических и практических проблем, связанных с институтом реализации основных положений международного уголовного права и исполнением международных уголовно-правовых обязательств на внутригосударственном уровне различных стран.

В работе исследованы история становления международного уголовного права, формирование и развитие межгосударственного экстрадиционного права, освещаются современные концепции системно-структурных особенностей международного уголовного права и совокупность его источников, показан характер действия норм международного уголовного права во времени и пространстве, выявлены специфики различных форм реализации норм международного уголовного права, определены элементы внутригосударственного механизма реализации международного уголовного права, раскрыты проблемы конкретных норм по регламентации вопросов применения норм международного уголовного права в национальной юрисдикции.

Eliseev Roman Anatolievich (Russia)

International Criminal Law: Specifics of the Rights Enforcement

The subject of the thesis is the integral analysis of theoretical and practical aspects of the mechanism of implementing the main provisions of international criminal law and fulfilling international criminal law obligations of different states on a national level.

The research looks into the history of establishing international criminal law, studies formation and evolution of the interstate extradition law, addresses modern conceptions of structural and system-level specifics of international criminal law and the array of its origins, shows the nature of application of international legal and criminal norms in space and time, reveals specifics of different forms of enforcing international legal and criminal norms, determines elements of intrastate mechanism of enforcing international criminal law, analyzes different aspects of specific norms concerning regulation of international legal norms application in national jurisdiction.

Подписано в печать: 14.01.11
Объем: 1,5 усл.п.л.
Тираж: 100 экз. Заказ № 769735
Отпечатано в типографии «Реглет»
119526, г. Москва, пр-т Вернадского,39
(495) 363-78-90; www.reglet.ru